

тивный хронограф и его дальнейшие виды и подобиа заключали в себе разные по стилю переводные произведения, охватывая стилистические периоды от библейской эпохи до поздневизантийской. Да и сами эти произведения, входившие в хронографические компиляции и главным образом через них влиявшие на русскую повесть, заключали в себе данные разных жанров. Возьмем, например, источники хроники Георгия Амартола. Он пользовался светскими и церковными историками, античными и византийскими, жителями, патериками, проповедниками и полемистами, ветхим и новым заветом.

Но как бы ни были сложны в далекой основе источники средневекового русского повествования, нам кажется, искать их следует не в исходных, так сказать, памятниках, некогда объединенных произведениями в роде Амартола, и даже не в одном комплексном произведении в роде Амартола, а в компиляциях, куда входил целый ряд хронографических произведений. Следует только иметь в виду, что хронографических компиляций было несколько, и они то сосуществовали, то сменяли одна другую.

Конечно, не одними хронографами исчерпываются источники русского повествования. Мы привели их только как пример, отражающий нашу основную идею — искать литературные источники не в библиотеке отдельных произведений, а прежде всего в «энциклопедиях», составленных из отдельных произведений, именно — в сборниках определенного состава. Конечно, средневековые русские историки пользовались и не только сборниками, да притом сборниками историческими только. Не говорим уже о том, что самое нахождение большинства русских исторических повестей в летописи, для которой они составлялись, обуславливало влияние на них приемов летописателей.

Исходя из этих общих положений, попробуем доработать исследование одной исторической повести со стороны ее источников, не исчерпанных предшествующими исследователями. Заранее предупреждаем, что выводы окажутся гипотетичными, но, может быть, самый процесс образования гипотезы даст нечто новое для методики заимствования.

Три, если не все четыре, основных повести о Мамаевом нашествии и побоище дошли до нас не в первоначальном виде, подвергшись частью разложению, частью перекрестному воздействию, а также редактированию — в зависимости, например, от передвижки некоторых из них по летописным сборникам — следуя терминологии Шахматова: от княжеской Московской летописи до владычной Новгородской, до общерусского митрополичьего свода (первой четверти XV в.) и так далее.